

Любовь ЛЕСОВА

Красноярск

Любовь Лесова (Любовь Евгеньевна Сараскина), кандидат педагогических наук, доцент, ветеран труда, много лет проработала преподавателем в красноярских вузах, а сейчас продолжает своё давнее увлечение — писательство — под псевдонимом Любовь Лесова. Творчество её знакомо красноярцам и жителям юга Красноярского края — в частности, Курагино, откуда автор родом и где каждое лето проводит встречи с читателями. Любовь к людям родного края,

знание их жизни, проблем, а также культурных традиций — вот отличительные черты произведений автора из сибирской глубинки.

СОПЕРНИК

— Маша, а где дети? — Иван, распахнув дверь, устался на ссутулившуюся в дальнем углу комнаты спину жены.

Пронёсся через спальню и встряхнул за плечи сидящую на постели женщину. Маша с трудом подняла голову и, казалось, не понимая, кто это её тревожит, посмотрела на мужа.

— Маша, ты опять?.. Как ты могла, Маша?! Дети где? — уже паникуя, заорал Иван.

Маша, как зомби, поднялась, потом снова села, точнее, плюхнулась на кровать; бутылка, задетая ногой при её неловких телодвижениях, бойко покатила по невытому полу.

— Во дворе играют. Чё орёшь, Ваня? Не нравлюсь тебе? Иди другую ищи! Пусть ещё какая дура тебе двух пацанов родит. А ты и той дуры ни копейки денежек не дашь, а она и денежки найдёт, и выпивку, да и другого «ваню» заведёт. Вот! Другая не будет, как я, сутками дома впроголодь с двумя мальцами сидеть, дожидаться кормильца... Чтоб тебе пусто было! — спяну-сдуру пожелала жена.

У Ивана сжались кулаки, а сердце отозвалось визгливой болью до подмышки и, казалось, остановило свою пожизненную работу. Иван осознал, что если он сейчас же не найдёт своих близняшек-пятилеток живыми и невредимыми, то за себя не отвечает. В голове уже стучало, как

молотком. И ужас-ужас, что бы он сотворил, окажись этот нужный домашний инструмент у него под рукой.

— Вова, Витя! — Иван, переполненный гневом на жену и испугом за детей, вмиг оказался на крыльце. — Витя, Вова! Вы где?

Нет смысла паниковать, когда усадьба безопасная и надёжно ограждена. Но у их скромного съёмного жилища были свои особенности, которые не внушали оптимизма. Иван да Марья, намаявшись поначалу в городе, решили строить жизнь заново на селе. Посёлок приглянулся великолепными видами у реки, стройными рядами улиц с ухоженными усадьбами. Исторические здания в центре села, парк с тенистыми аллеями, а главное, люди приветливые — всё нравилось переселенцам. Только вот имущественное неравенство бросалось в глаза и здесь. Хоть Иван и почувствовал себя человеком, работая у местного фермера трактористом, но набранные ещё в городе кредиты не всегда получалось оплачивать, а остальная часть кровно заработанных уходила на оплату аренды, дрова и скромное питание семейства (большой огород теперь, правда, служил подспорьем). Марья была парикмахером, «грозила», что освоит ещё профессии массажиста, профессионала маникюра-педикюра и деньги к ней потекут рекой, но с бесконечными домашними хлопотами её благие намерения оставались пустыми мечтами.

У Маши родители давно умерли. Ей даже пришлось в интернате пожить, школу там закончить, профессию мало-мальски освоить и плохонькую, требующую капитального ремонта однокомнатную квартирку в убитой временем пятиэтажке на окраине города получить. Государство, казалось, подготовило её к полноценной взрослой жизни. Но неумелый изнурительный ремонт городской квартиры-развалюхи загнал неопытное семейство в долги. Любимый Ваня оказался не таким обеспеченным, как ей вначале показалось. Муж богат был только на родственников: две старшие сестры и младшие братья-близняшки. Вот и у них рождение близнецов подтвердило

генетическую расположенность Ваниного рода к двойням, что, в общем-то, обрадовало молодых, но Машу эта двойная забота просто подкашивала. Она постоянно боролась с непосильными бытовыми и финансовыми проблемами, хотела достатка, уюта, сытости, наконец... Но была связана по рукам и ногам крикливыми пухлячками. Ежедневные нескончаемые дела, ответственность за всё и вся, постоянные мысли о деньгах, которых нет, — всё это высасывало из неё молодость, привлекательность и, похоже, здоровье. Иван неумело и неэффективно пытался руководить маленьким семейством, иногда, совсем обнищав, даже просил финансовой помощи у родителей и у братьев-сестёр. Нестабильные заработки Ивана-тракториста, не нашедшего в городе работу по специальности: то дорожным рабочим был, то экскаваторщиком пробовал, пока не оплатил огромный штраф за порыв городских кабелей, — подвигли его перевезти семью в сельскую местность, а отремонтированную квартиру-развалюху сдать на время.

На селе они оказались в съёмной маленькой квартирке в двухэтажном старом доме с несколькими соседями и общим двором. На удивление, ни у кого из жильцов больше детишек в старой двухэтажке не было. Именно эта квартира их привлекла прежде всего низкой стоимостью аренды, наличием огорода и печки с уже заготовленными дровами. Тёмный большой парк и стремительная река неподалёку вначале показались плюсом. Колонка и туалет во дворе — небольшим минусом. Не учли они и наличие опасности от множества полустгнивших незапертых погребов, разваливающихся чуланов, сараюшек в общем дворе, наполненных доверху неизвестно чем и не всегда закрытых на замки. Доисторическая лестница держалась на честном слове снаружи дома и была единственным выходом со второго этажа ветхого деревянного строения. С другой стороны дома находился небольшой садик, скорее чащоба с непроходимыми кустарниками, поваленными деревьями, всяческими корягами и даже мусором, который угрюмая жиличка со

второго этажа упорно выбрасывала в сад, а не на помойку за сортиром.

Кроме нелюдистой странной старухи, на втором этаже жили две весёлые сестрички-медсестрички. Залётные разведёнки снимали самую большую квартиру и часто устраивали в ней шумные вечеринки со множеством кавалеров. Сестрички-то и «открыли глаза» Маше на неправильность её убогого существования и предложили зайти к ним и выпить для начала пива. Маше тогда понравилось отстранённое от всего состояние, вульгарно накрашенные ведьмочки показались душками, захотелось таких же нарядов, помады, кудряшек. Она даже спьяну пококетничала с престарелым гостем чаровниц, за что и была изгнана из развесёлой квартиры. Через некоторое время у Маши сильно заболела голова, потом желудок, потом стало совестно, потому что оставила ребятшек одних дома, да и за сомнительное новое знакомство. Но Ване своему она ничего про это не рассказала, а когда ей в очередной раз стало тяжело от денежных проблем и невнимания постоянно находящегося на работе мужа, она выскочила в ближайший магазин и купила еду для детей и... бутылку водки для себя. Это стало происходить чаще и чаще. Иван всё удивлялся, почему то суп пустой за обедом, то хлеба в обрез, шёл, докупал необходимое... Не сразу понял, что с женой происходит неладное...

— Вова, Витя! — Иван обежал и сад, и двор, заглянул во все постройки, потрогал все замки, замер у открытых на проезжую часть ворот ограды и схватился за голову.

— Может, они дома где? — наконец проснулся материнский инстинкт у Маши.

Она стояла в дверях первого этажа и испуганно смотрела на мужа. Иван, оттолкнув её, ринулся в дом. Ещё на раз осмотрел все закоулки их жилища, споткнулся о пустую бутылку, выругался: «Чёрт!» — и выскочил в общий коридор. Рядом с их распахнутой дверью находилась дверь умершего ещё до их переезда соседа, которая была замкнута уже не один месяц, за ней коридор шёл к окну

и поворачивал к небольшому закутку с довольно крутыми ступенями в подвал.

— Папа, ты почему на маму кричал? — их детки, скрючившись, сидели внизу лестницы у замкнутой двери подвала.

— Вовочка, Витенька! — это уже мама неслась со всех ног, преодолевая хмель и пьяный кураж. — Всё хорошо, пойдёте домой! — и, подхватив отпрысков на руки, пара поспешила скрыться за дверью своей квартиры.

Иван, немного успокоившись, попытался найти себе обед в холодильнике. Но расслабившаяся Маша не готовила и даже детей кормила второй день одной и той же кашей. Старенький холодильник зиял обшарпанной белёсой пустотой и предлагал только какие-то йогурты на нижней полке. Демонстративно хлопнув дверью сначала холодильника, затем квартиры, горе-хозяин не солоно хлебавши побежал на работу.

Маша тем временем встряхнулась, умылась и приступила к выполнению материнских обязанностей.

— Что вы делали на ступеньках? Вы зачем туда ушли? — интересовалась теперь заботливая маМаша, как иногда называл её Иван.

— Мама! — таинственно зашептал Витенька. — Мы с дядей познакомились, он нас туда привёл.

— Хороший дядя, — вторил Вовочка. — Он к нам ещё придёт, когда ты будешь «пивная», и с нами поиграет.

Маша покраснела, отметив, что малолетки скоро начнут правильно называть её участившееся состояние и ещё всем о нём расскажут. Но сейчас смутила детская фантазия насчёт дяди. «Домовой заботится о маленьких детях, оберегает их», — вспомнила народную байку.

— Так это вы с дедушкой-соседушкой познакомились? — недоверчиво заулыбалась Маша, наблюдая, как быстро уплетают холодную кашу без масла её детишки.

— Мама, наш дядя — молодой!

Вечером Иван с проштрафившейся маМашей не разговаривал. Спать лёг на диване. Маша мыла-стирала-готовила,

чувствуя тяжесть в голове и дурноту в желудке. «Больше ни разу не выпью, никогда, — раскаивалась Маша. — Всё хорошо, что хорошо кончается».

На следующий день Маша с детьми пошла в коридор...

— А дядя вышел отсюда! — показали дети на дверь умершего соседа.

— Вы не путаете? И что было дальше? — Маше было немного не по себе от детских фантазий.

— Он повёл нас на лестницу и показал кино!

— А я и вам кино покажу!

Маша резко обернулась на голос. Перед ними стоял стройный мужчина в странной, казалось — из театрального реквизита, одежде. У высокого человека было приветливое, открытое широкоскулое лицо. Большие глаза лучились хитринкой и добродушием. Тёмные, достаточно длинные волосы были зачёсаны назад. Морщинки на высоком лбу и вокруг глаз выдавали разменянный четвёртый десяток.

— Вот смотрите! Моя земля, мои воины, а вот и мой сын!

Маша с детьми как замороженные всматривались в покрытую грязно-белой краской стену коридора и видели бескрайние степи, ловких всадников с луками и нагайками, проносящихся мимо них на резвых скакунах. Взрослым наездникам не уступал маленький мальчик, смуглый, кудрявый, с раскосыми глазами. Ребёнок-наездник подгонял криками своего жеребёнка и быстро скакал наравне со всеми. Видно было, что воины его оберегают и обучают.

— Ваш сын совсем на вас не похож! — заметила Маша, пытаясь разгадать, что за гаджет использует незнакомец для демонстрации проекции изображения. — Да и всадники разных национальностей, — рассматривала Маша калейдоскоп лиц... на стене.

Вовочка и Витенька стояли как вкопанные, разглядывая всадников, одетых в шкуры и кафтаны, шапки и шлемы всех мастей.

— У меня в улусе все народы живут дружно. Мы хотим мира, поэтому мои воины всегда готовы защитить мир.

А сын у меня приёмный, другого племени, но я его люблю и воспитываю как родного. Главное, чтобы был по духу родной, правда?

Картинка вдруг пропала. Маша наклонилась к своим детям и, обняв их, сказала:

— Спасибо, что присмотрели за моими детьми, — незнакомцу.

И поймала себя на нелепице: она обращалась к солнечному свету из распахнутого окна коридора.

— Мама, а где дядя? Мама, а кто он? — верещала малышня, а маМаша не знала, что и ответить.

Вечером, придя с работы, Иван обнаружил ухоженных детей, опрятную приветливую жену и приготовленный ужин. Она явно осознавала свою вину и была настроена на примирение. Маша никак не могла понять, что за странного человека они видели, каким образом он показывал им видео, да и куда потом девался. Помня, что дети могут придумывать невесть что, а у злоупотребляющих взрослых порой случается «белочка», решила уберечь Ивана от экзотических подробностей. Ребятишек она попросила никому ничего не рассказывать про «их» дядю, настраивая, что тогда он уж точно больше не покажет кино.

Маше на другой день нужно было, закрыв малолеток дома, быстренько сбежать в ближайший магазин за пропитанием, но женское любопытство повело её в закуток перед подвалом. Незнакомец сидел на ступеньке и улыбался.

— Вы пришли...

— Кто вы? — театральный вид древнего воина пугал и завораживал.

— А вы кто? Вы не нашего племени. Почему вы по моей земле ходите, в моей юрте живёте?!

— Я русская! А дом наш многоквартирный, на вашу юрту он никак не похож! — возмутилась Маша абсурдным речам.

— И то правда, — вздохнул странный человек и стал подниматься во весь рост.

— Здравсьте, мужчина! Приходите к нам, а то Маша вас в коридоре держит, — это сестрички-медсестрички

обнаружили Машу с незнакомцем. — Проходите на второй этаж. Наш дом — ваш дом!

— Маша, ты с кем там разговариваешь? Хлеба с молоком купила? Где дети? — не вовремя вернулся с работы Иван.

— Да мы тут пытаемся увести у вашей жены кавалера, — захихикали медсестрички, всегда готовые с радостью разрушить чужую семью.

— Уже и кавалера для неё подыскали! Хороша компания! — подскочил Иван к трём женщинам. — Мальцы в нашу дверь колотят. Ты их зачем одних дома закрыла?!

Иван побежал открывать свою дверь. Растерянные женщины осматривали коридор, выглянули даже за окно. Незнакомца нигде не было.

Иван да Марья опять поссорились... Иван чувствовал, что начинает ревновать жену к пока незнакомому ему сопернику. Росло раздражение на не занимающуюся семьёй мамашу, на себя, безденежного и невезучего.

«Развёлся бы, да детей жалко, — вдруг подумал Иван. — Всё плохо!»

Маша ночью лежала одна на супружеской кровати и пыталась понять, что на самом деле происходит. Если соседки видели незнакомца, значит, он реально существует. Он так внезапно исчезает... Он такой необычный...

Говорит, что это его дом, точнее, юрта. Русских иностранцами считает... А с виду русский, только скулы великоваты, да глаза хоть и большие, но чуть раскосые. «Краси-и-вый!» — вдруг неожиданно для себя сделала заключение Маша. Тут на диване застонал во сне её благоверный. А в углу на тахте мирно посапывали уложенные валетом близняшки.

В обед Иван домой не пришёл, видимо, решил основательно подкрепиться в какой-нибудь столовой да обдумать, как жить дальше с непутёвой женой. Зато к ней заглянули медсестрички:

— Мы вам с Иваном билеты в театр принесли. Недорого! Купите у нас, мы не можем, у неё — свидание, а у меня дежурство.

— Не получится! — не пускала дальше порога бесцеремонных соседок Маша, сердитая и за то, что лягнули при муже о кавалере. — Детей не с кем оставить, да и поссорились мы... из-за вас.

— Не ты ли с соседом в коридоре любезничала? — зашипели, зазмеились красотки, поняв, что не удастся сбегать даренные им билеты.

— С соседом? — уцепилась за слово Маша.

— Ага. Наследничек на двухкомнатную Художника объявился. Там всё картинами завалено. Интересно, дорого ли они стоят?

— Так это был сосед! — казалось, нашла логическое объяснение недавним событиям Маша.

— Сосед! Он играет главную роль в спектакле «Курага возвращается». Это у нас местный вождь был. Он основал наше село. Как село наше называется? — издевались медсестрички.

— Курагино!

— Вот именно. В честь основателя названо.

— Значит, наследник-актёр в образ входил... Хотя наследник скорее фокусник, я бы сказала, — улыбнулась Маша, припомнив исчезновения соседа, да и кино на стене, и подумала: «За детьми присмотрел, меня заинтриговал, от выпивки отвлёк. Спасибо ему».

— Здравствуйте, соседки! — квартиру Художника, гремя ключами, открывал незнакомый мужчина.

— Ой, а вчера вы были не такой! Видимо, грим может полностью изменить внешность, — дивились медсестрички.

— Да нет, это были не вы! — подытожила Маша.

— Да о чём вы? Я вас не знаю! — новоявленный сосед с изумлением уставился на женщин. — Заходите, познакомимся, билеты на спектакль подарю.

— Папа идёт! — доложили выглядывающие из-за юбки матери близнецы.

— Здравствуйте, — протянул руку подошедшему Ивану сосед. — Заходите! Познакомимся, билеты на спектакль всем подарю.

— Здравствуйте, коль не шутите, — хмыкнул Иван. — А вот и зайдём! Вот и познакомимся с понаехавшими кавалерами.

С ребятишками всей гурьбой ввалились в давно закрытую квартиру Художника.

— Темно тут, пыльно, осторожней, всё заставлено картинами, — комментировал продвижение гостей по помещениям сосед.

— Мама, вот он. Вот наш дядя! — мальчишки прыгали в дальней комнате у картины на мольберте.

Взрослые обошли мольберт и взглянули на залитую солнцем картину.

— Это он! — ахнули сестрички-медсестрички.

— Он! — не верила своим глазам Маша.

— Курага! — кивнул то ли артист, то ли фокусник. — Отец до самой смерти работал над его образом. Похоже, вы картину уже видели...

— Мы его видели, — Маша указала на портрет. — Когда Художник стремится оживить прошлое, то прошлое оживает...

— Здесь всё дышит седой стариной, древними традициями, всепоглощающим и животворящим творчеством, — пафосно высказался то ли актёр, то ли фокусник, возможно, цитатой из предстоящего спектакля.

— Так вот кто мой соперник! Вы картину оживили! — обнял жену Иван.

— Не мы, а Художник! — с любовью взглянула на мужа Мария.

Послесловие

Курагинцы любят свой чистый и уютный посёлок, гордятся его историей, чтут традиции. Именно знание истории может научить, подсказать, как улучшить настоящее. Этот рассказ посвящён местному Художнику и... Кураге, первому вождю поселения.